

Митрополит Волоколамский Иларион: Крещение Руси предопределило дальнейшее развитие нашей истории

27 июля 2013 года гостем телепередачи «Церковь и мир» на телеканале «Россия-24», которую ведет председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал журналист Константин Эггерт.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры, вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодняшняя наша беседа посвящена 1025-летию Крещения Руси, и у меня в гостях журналист Константин Эггерт. Здравствуйте, Константин!

К. Эггерт: Здравствуйте, владыка! Я бы хотел спросить Вас вот о чем: 1025 лет назад случилось событие, которое во многом предопределило жизнь – на сегодняшний день можно сказать – народов трех государств: современных России, Украины и Белоруссии. По-вашему, есть ли сегодня какие-то следы этого, имеется ли эффект от этого в нашей повседневной жизни, особенно учитывая чудовищный XX век, который предшествовал нынешнему этапу?

Митрополит Иларион: Я вообще не представляю, какими были бы наши народы и существовали б они вообще, если бы не произошло крещение Руси. Я думаю, что это событие предопределило всю последующую историю наших народов. Даже XX век с его богоборчеством, с его восстанием против Бога и против Церкви не сумел перечеркнуть плоды того события, которое произошло 1025 лет назад, потому что в наш, тогда еще единый народ, был заложен некий, как сейчас говорят, генетический код, который срабатывал всякий раз, когда, например, стране угрожала опасность, в том числе и когда опасность угрожала не только военная, но и цивилизационная. И даже в годы безбожия, когда в течение семидесяти лет нашим народам навязывался атеизм, вера все-таки продолжала жить, а культура в значительной степени продолжала оставаться носителем того благовестия, которое началось на наших землях с крещения Руси.

К. Эггерт: Владыка, а могло ли быть, действительно, иначе? Если посмотреть на исторические источники, могла ли Русь не быть крещена вообще или могла бы она стать, ну, например, католической? Был ведь такой исторический шанс, потому что, все-таки, согласитесь, существует очень много мифов по поводу самого крещения Руси.

Митрополит Иларион: Как известно, история не терпит сослагательного наклонения. Наверное,

что-то и могло быть, но не произошло, и в истории - в ее ходе, ее событиях - мы не можем не видеть Промысел Божий. И мы сейчас говорим о том, что Промыслу Божию было угодно, чтобы Русь была крещена именно в православную веру. Причем, мы знаем этот известный рассказ «Повести временных лет» о том, почему именно она привлекла послов князя Владимира. То было не богословское убеждение в том, что это истинная вера, а, прежде всего, эстетическое и духовное восприятие богослужения, с которым послы соприкоснулись и которое потом, уже после крещения Руси, было перенесено на Русь.

Я думаю, что именно через богослужение наши предки, прежде всего, приобщались к православной вере, приобщались к Богу, а также и к культуре, потому что, по сути дела, Церковь на протяжении очень многих веков, вплоть до начала нового и новейшего времени, аккумулировала в себе все культурные богатства и щедро делилась ими с народом.

К. Эггерт: Многие говорят, что поскольку у России, в отличие, скажем, от Западной Европы, путь развития был другой, то роль Церкви в развитии культуры не настолько очевидна, как скажем, в ряде европейских стран, где университеты основывались с помощью и даже при активном участии Церкви, где благотворительность осуществлялась довольно рано. В России все несколько иначе шло. Где, как Вы считаете, более ярко проявилась культурная роль Церкви?

Митрополит Иларион: Во-первых, благотворительность у нашей Церкви была очень широкая, очень многообразная вплоть до того момента, когда она была просто запрещена законом в советское время. Если говорить о миссионерском служении Церкви, надо отметить, что она вела огромную миссионерскую работу, прежде всего, на тех территориях, которые входили сначала в орбиту Киевской Руси, далее Московской Руси, а потом уже Российской империи. Просвещение племен – в том числе северных, дальневосточных – происходило, конечно, под эгидой Церкви, и одновременно с христианством многие из этих народов получали письменность и культуру. Более того, соприкосновение с христианством помогло этим народам сохранить и свою собственную идентичность, потому что способ, которым наша Церковь вела миссию, никогда не основывался на навязывании культурных стандартов и те народы, которые приобщались ко Христу, удивительным образом сохраняли свою культуру, которая как бы оплодотворялась новым христианским благовестием.

К. Эггерт: Знаете, есть такая фраза, что Русь была крещена, но не просвещена. Как Вы относитесь к этой идее? Согласны ли Вы с тем, что формальный элемент верований – может быть, в том числе и потому, что была такая гигантская территория с таким огромным количеством народов, – часто доминировал над смыслом веры?

Митрополит Иларион: Я бы не согласился с этой фразой Н.С. Лескова, в чем-то созвучной

суждениям историка В.О. Ключевского. Вообще, мне кажется, что у Ключевского был очень специфический взгляд на историю. Он был в свое время, пожалуй, крупнейшим специалистом в этой области знания, но историк очень редко бывает объективным.

Даже трудно представить, что такое объективный взгляд на историю, потому что каждый человек смотрит на те или иные события через призму своих идеологических установок. Часто это идеологемы или мифологемы, которые в мозгу человека сначала складываются под влиянием тех или иных обстоятельств, а потом проецируются на исторический процесс и на те факты, с которыми он как ученый соприкасается. Одни и те же факты можно интерпретировать совершенно по-разному. Поэтому у нас гражданские и церковные историки сильно различались в оценках масштабов просветительской деятельности Церкви и российского государства.

Думаю, что здесь сравнение с Европой очень мало что может дать, поскольку Европа шла своим путем. Например, в России действительно не было университетов, которые основывались бы Церковью. Но еще раньше, чем университеты, у нас появились духовные академии, которые ставили своей целью воспитание священнослужителей, но, по сути дела, были университетами, потому что студенты изучали иностранные языки, изучали Священное Писание, гуманитарные и точные науки. И когда создавались университеты, духовные академии уже существовали. Именно поэтому в наших университетах не было богословских факультетов - две системы образования шли параллельно. Они оказались разведены из-за того, что система духовного образования возникла раньше.

К. Эггерт: Согласен. Я сам историк по образованию и считаю, что история, наверное, не может быть объективной и даже, наверное, не должна быть таковой. Она должна, действительно, давать какую-то интерпретацию. Факты есть, но интерпретация, конечно, может быть разной.

Хотел бы спросить еще вот о чем: мы смотрим сейчас на ситуацию, при которой некогда единое пространство – это три отдельных государства: Россия, Украина и Белоруссия. Как Вы считаете, что будет присуще каждой из этих стран с точки зрения православной культуры, если хотите, наследия, а что будет меняться со временем, потому что государственное бытие ведет к созданию нового гражданства, нового осознания себя гражданами? Ожидать, что люди будут чувствовать себя живущими в едином пространстве, совсем трудно. Но что может, по-вашему, сохраниться единым?

Митрополит Иларион: Прежде всего, хотел бы сказать, что мы с вами являемся свидетелями того исторического периода, когда где-то государственные границы возникают, а где-то они фактически исчезают. Вот я еще хорошо помню время, когда в Европейском Союзе для того, чтобы проехать на машине из одной страны в другую, надо было выстаивать очереди на

пропускных пунктах, потому что существовали границы. Пусть не было колючей проволоки, не было пограничной зоны, но, по крайней мере, на дорогах это препятствие существовало. Потом оно просто исчезло, и как таковых государственных границ сегодня в Евросоюзе нет, что не мешает народам тех или иных стран осознавать себя некой культурной общностью, а в некоторых странах - в значительной степени и религиозной общностью. И вот если говорить о судьбе трех славянских народов, которые некогда составляли единый народ, у которых единый исток – днепровская крещальная купель святого князя Владимира, то я думаю, что они будут развиваться самостоятельно внутри своих политических границ, но это не значит, что духовная общность, которая была заложена изначально в момент крещения и взращивалась Церковью на протяжении целого тысячелетия, должна быть утрачена. Наоборот, мне кажется, что поверх всех политических границ Церковь должна укреплять духовное единство людей, а со временем политические границы, я надеюсь, станут такими же прозрачными, как границы государств в Евросоюзе.

К. Эггерт: Позвольте поспорить с Вами. В отличие от, скажем, Римско-Католической Церкви, которая строит себя как наднациональная, парящая над границами, Православные Церкви основные - автокефальные и привязаны к определенной этнической общности, иногда – территории. Тогда не сложно ли будет сохранить это единство?

Митрополит Иларион: Единство сохранить всегда будет непросто, потому что есть политические силы, которые сознательно работают на то, чтобы Церковь расчленили. Это политический проект, который финансируется определенным образом. И Церковь всегда будет противостоять такому политическому проекту. Но для нас важно, прежде всего, духовное единство людей.

Структура Православной Церкви, действительно, отличается от структуры Католической Церкви в том плане, что у нас есть автокефальные Церкви, у каждой из которых есть своя каноническая территория. Но в составе автокефальных Церквей бывает не одна страна, а несколько. Допустим, если говорить об Александрийском Патриархате, то это пятьдесят четыре страны Африканского континента. Если говорить об Иерусалимском Патриархате – это Израиль, Палестина и Иордания. Антиохийский Патриархат – это Сирия и Ливан.

Московский Патриархат свою каноническую территорию определяет как пятнадцать государств – это тринадцать, которые входили в бывшую Российскую империю, в бывший Советский Союз (кроме Армении и Грузии), а также Япония и Китай, куда Православие было принесено исключительно русскими миссионерами, где существуют автономные Церкви в составе Московского Патриархата. За пределами канонической территории у нас есть приходы и епархии, но это уже наша диаспора. А собственно каноническая территория, то есть территория пастырской ответственности Русской Церкви, – вот эти пятнадцать государств. И мы работаем на то, чтобы это единое пространство оставалось единым.

К. Эггерт: Если вернуться в Россию от таких просторов... Я хорошо помню празднование 1000-летия крещения Руси, хорошо помню, как впервые можно было свободно пойти купить Библию, например. У меня даже есть то юбилейное издание 1988 года. Сегодня ситуация другая: с одной стороны, Церковь стала – и, по-моему, это хорошо – привычной «частью пейзажа» даже для тех, кто, может быть, и не верует. Для них является совершенно нормальным, что они идут мимо храма, что в метро в одном вагоне с ними может оказаться священник или монах. С другой стороны, кажется, что заканчивается какой-то этап: восстановлены монастыри, есть очень много храмов, священников, тысячи выпущены из духовных семинарий, - но определенные проблемы остаются. И возникает ощущение (даже у меня как обычного верующего), что некий этап кончился и куда дальше двигаться Русской Церкви в ее полноте, не очень понятно, потому что, с одной стороны, есть наследие Советского Союза, которое еще долго будет тянуть назад, с другой стороны - вызовы современного мира: консюмеризм, индивидуализм и т.д. Как Вы видите эти двадцать пять последних лет – это этап?

Митрополит Иларион: Хотел бы, во-первых, сказать, что эти двадцать пять последних лет, с нашей точки зрения, - это период, который не имел никаких аналогов ни в истории Отечества, ни в мировой истории. За столь относительно короткий срок Церковь прошла колоссальный путь от, по сути дела, гонимой и находившейся в гетто структуры до духовно-нравственной силы, которая пользуется безусловным авторитетом у народа и «рейтинг популярности» которой, несмотря на все нападки, несмотря на связанные порой с этой темой журналистские разборки, остается заоблачным. Ни у одной институции в наших странах сегодня нет такого авторитета, как у Церкви. И тот факт, что за двадцать пять лет Церковь восстановила или заново построила более двадцати пяти тысяч храмов, что около восьмисот новых монастырей возникли на пространстве исторической Руси, уже сам по себе свидетельствует о беспрецедентном характере произошедшего религиозного возрождения.

Я часто бываю на Западе и общаюсь со своими коллегами из Католической и протестантских Церквей, и все они в один голос жалуются на то, что молодежь в монахи не идет, что священнические призвания сокращаются. Некоторые вообще говорят, что мы живем в постхристианскую эпоху. Но вот я им говорю: «Приезжайте к нам и посмотрите - вы убедитесь в том, что у нас не постхристианская эпоха. У нас тысячи молодых образованных людей – мужчин и женщин – избрали монашеский путь именно в эти последние двадцать пять лет». Это совершенно невероятный всплеск религиозности, это возвращение людей к своим корням и возвращение Церкви в то состояние, которое ей должно быть присуще: она присутствует в публичном пространстве, она видима, ее голос слышен.

Но Вы правильно сказали, что это определенный этап. За ним последует другой этап. Сейчас мы в

значительной степени внешнюю инфраструктуру Церкви выстроили. Это не значит, что не будет строиться новых храмов, не будут открываться новые монастыри. Сейчас Святейший Патриарх инициировал новую миссионерскую стратегию, которая связана с созданием новых епархий, со строительством новых храмов, прежде всего, в глубинке - там, куда это церковное возрождение еще, по сути дела, и не дошло.

Выражение, которое Вы вспомнили, сохраняет определенную актуальность и сейчас. Ныне наша Святая Русь, наши народы – русский, украинский, белорусский и другие народы, входящие в орбиту Русской Церкви – в общем-то, крещены. Абсолютное большинство людей у нас крещеные, но это еще не значит, что они просвещены. И вот сейчас перед всеми нами стоит огромная миссионерская задача - задача просвещения.

Константин, к сожалению, наше время истекло. Благодарю Вас за беседу. Спасибо Вам за то, что Вы были гостем передачи, и желаю успехов.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/52399/>